

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

– Ты понимаешь, о чем
говоришь? –
возмутился Сергеев. –
Он ведь не бандит, а
заместитель
министра МВД!
– Значит, опаснее
бандита, – вздохнул
Эльдар...

Чингиз Абдуллаев



ЭКСМО

Распад
Лето двух
президентов



Чингиз Акифович Абдуллаев

Лето двух президентов

Серия «Распад», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=658615
Распад. Лето двух президентов: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-50977-5

Аннотация

Эльдар Сафаров назначен инструктором административного отдела коммунистической партии. Но, занимая высокую партийную должность, он не забывает, что раньше работал в прокуратуре. Вот недавно по горячим следам раскрыл серию преступлений, связанных с обменом денег. Аферисты изобличены, но остались их покровители... Как-то Эльдар, возвращаясь с заседания, подвергается нападению – его избивают и предупреждают, чтобы не лез в чужие дела. Однако Сафаров не из тех, кого можно так просто запугать...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	46
Глава 4	67
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Чингиз Абдуллаев

Лето двух президентов

Если мы проклянем прошлое, вычеркнем его из памяти, как когда-то мой отец, – лучшее не будет. Наша история – и великая, и проклятая одновременно. Как и история любого государства, любого народа.

Борис Ельцин «Записки президента»

Революция в значительной степени есть расплата за грехи прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества.

Николай Бердяев

*...Если б, Генрих,
Ты правил, как пристало королю,
Как правили отец твой и твой дед,
Не уступая почвы дому Йорка,
Враги бы не размножились, как мухи,
И я, и тысячи других в стране
Вдов не заставил бы скорбеть о нас,
И ты бы в мире сохранил свой трон.*

Уильям Шекспир «Генрих Шестой»

Глава 1

До окончательного выдвижения остается только несколько дней. И с каждым днем срок стремительно сокращается. А решение до сих пор не принято. Возможно, самое главное решение из тех, которые он принимал в своей жизни. Вспомнив об этом, он сокрушенно вздохнул, поднялся с кровати и, пройдя в кабинет, сел за стол. Он всегда отвечал только за себя, всегда рисковал своей карьерой и своим положением. А сейчас впервые в жизни должен выбрать себе напарника, подходящую кандидатуру на должность вице-президента республики, чтобы вместе с ним идти на выборы. Вице-президента самой большой страны в мире.

Мартовский референдум в России отвечал на два вопроса: о сохранении Союза и о введении должности президента в республике. В Москве и Ленинграде был еще и третий вопрос – хотят ли избиратели этих городов иметь своих выборных руководителей? А в Ленинграде даже поставили вопрос о переименовании города. На все вопросы были получены утвердительные ответы, и теперь следовало выбрать человека, с которым он должен был идти на эти всенародные выборы. Первые всенародные выборы в России. Это не просто самые важные выборы в его жизни. Это еще и вызов союзному руководству.

Первый президент Советского Союза Михаил Сергеевич

Горбачев был избран на съезде народных депутатов. Он не захотел проходить через горнило всенародных выборов. Возможно, побоялся за свой рейтинг, возможно, не решился подвергать себя подобному испытанию. Теперь следовало на собственном примере доказать торжество демократических выборов. Он не сомневается в своей победе. Более того, некоторые считают, что он может победить уже в первом туре. Это была бы грандиозная победа и демонстрация его влияния в России.

Ему только недавно исполнилось шестьдесят лет. Борис Николаевич Ельцин – председатель Верховного Совета РСФСР. Он идет на эти выборы, чувствуя массовую поддержку всего народа. Референдум показал, что люди не просто готовы к выборам президента, но и охотно проголосуют за него. Ведь все понимали, для кого и для чего выносятся такой вопрос на референдум. Но через несколько дней закончится регистрация кандидатов, и ему нужно назвать имя вице-президента, с которым он пойдет на выборы. Это должен быть достойный кандидат, и здесь важно не ошибиться. Горбачев выбрал себе в напарники ничтожного Янаева, которого прокатили на съезде народные депутаты, не пожелавшие утвердить его в качестве вице-президента. Бывший руководитель Комитета молодежных организаций, просидевший там двенадцать лет, Янаев потом успел поработать в Обществе дружбы с зарубежными странами и в начале девяностого стал председателем ВЦСПС, то есть главным профсо-

юзным руководителем. Его почти никто не знал. Он не только не усилил позиции президента страны, а, наоборот, серьезно ослабил их. Янаев не пользовался уважением ни в партии, ни в государстве, ни в обществе, хотя и являлся формально вторым человеком в государстве. С другой стороны, у вице-президента всегда очень четко очерченные представительские функции. С самого начала нужно будет дать понять будущему российскому вице-президенту, кто бы он ни был, что он не является заместителем президента. Тогда придется выбирать такого, как Янаев, а это может сказаться и на итогах выборов. Да, здесь очень важно не ошибиться. Он поднялся и зашагал по кабинету, стараясь немного успокоиться.

Только недавно съезд народных депутатов России согласился предоставить дополнительные полномочия своему председателю. Все эти согласования и голосования отнимают много времени и не вызывают ничего, кроме раздражения. Ельцин нахмурился, вспомнив, как прошел в председатели лишь после третьего тура голосования. Сколько усилий потратили коммунисты и лично Михаил Сергеевич, чтобы не допустить его избрания. Пришлось договариваться с разными фракциями, и все равно только с третьей попытки. А два года назад он вообще не прошел в Верховный Совет СССР, его откровенно прокатили, и тогда профессор Омского университета Алексей Иванович Казанник согласился уступить ему свое место. Все эти детали забыть невозможно.

Соппротивление было достаточно ожесточенным, чего стоит письмо, которое подписали его заместители и руководители палат, дружно выступившие против него. Один только Руслан Хасбулатов, его первый заместитель, отказался подписывать этот выпад против Ельцина.

Хасбулатов вообще производит приятное впечатление. Профессор, доктор наук, окончил юридический факультет МГУ. Кроме того, он с Кавказа, а этот фактор нельзя недооценивать. Все кавказские народы будут считать его своим. С одной стороны, это усилит их связку. А с другой? Хасбулатов очень умело руководит Верховным Советом в отсутствие самого Ельцина. Такого человека можно оставить вместо себя руководителем парламента. И это будет по-настоящему надежный союзник. Конечно, Хасбулатов ждет, что именно его Ельцин предложит на должность вице-президента. По логике, так и должно произойти, он уже доказал свою преданность демократическим процессам. Его поддерживают многие национальные республики, особенно кавказские автономии. Кроме того, ему удалось сформировать в Верховном Совете большую группу единомышленников, обзавестись собственной охраной из земляков, которая часто выполняет различные деликатные поручения. Но нельзя выдергивать его из Верховного Совета, особенно сейчас нельзя. И конечно, нужно учитывать, что в стопятидесятимиллионной России желательно иметь русского по национальности вице-президента. Этот фактор тоже достаточно важен.

Но кого взять себе в напарники?

Руководителем избирательной кампании, конечно, будет Бурбулис – достаточно хороший организатор, умеющий работать с документами. В Свердловске он даже организовал клуб «Дискуссионная трибуна», который пользовался достаточно большой известностью и популярностью. Бурбулис, безусловно, рассчитывает занять место вице-президента. Но здесь тоже есть ряд негативных моментов. Почему-то он вызывает резкое неприятие у многих людей, даже союзников. Его подчеркнуто отстраненная манера общения, холодность, некоторое высокомерие, даже голос и внешность вызывают мгновенное отторжение. Не замечать этого почти невозможно. Бурбулис – идеальный исполнитель, но не публичный политик. А его литовская фамилия может сыграть достаточно отрицательную роль, отпугнув часть избирателей. С этим тоже все понятно.

Ельцин прошел по кабинету. Взглянул на часы – пятый час утра, нужно немного поспать. Но завтра все равно придется выбирать, откладывать далее невозможно. Может быть, попросить вернуться Петрова? С Юрием Владимировичем они работали вместе в Свердловском обкоме партии, и именно Петров стал первым секретарем, оставшись вместо Ельцина. Через три года его отправили послом на Кубу. Было понятно, что из крупнейшей области убирают возможного союзника Ельцина, которого именно в это время сняли с должности первого секретаря Московского горкома и вы-

вели из Политбюро, где он был кандидатом. Петров сидит на Кубе уже два года. Можно вернуть его и предложить на должность вице-президента, но вопрос придется согласовывать с руководством страны. Посол – это их номенклатура, а Горбачев и его команда, воспользовавшись этим обстоятельством, могут и не разрешить Петрову вернуться в Москву в положенный срок. Так нельзя рисковать. Значит, этот вариант тоже отпадает.

Может, Лобов? Он тоже работал в Свердловском обкоме партии, был вторым секретарем, а потом его выдвинули председателем свердловского облисполкома и в восемьдесят седьмом даже сделали заместителем председателя Совета министров РСФСР. Но уже в восемьдесят девятом его убрали из Москвы, предложив должность... второго секретаря ЦК компартии Армении. Ничего более глупого невозможно себе представить. Компартия Армении проиграла выборы, и она уже давно не правящая партия в республике. Более того, армянский парламент даже принял недавно решение о национализации имущества компартии. Лобова, конечно, нужно вернуть в Москву и рекомендовать первым заместителем председателя Совета министров РСФСР. Так будет правильно. Но в вице-президенты он не годится, не тот масштаб. Тогда кого?

Он услышал шаги за спиной и обернулся. Это была младшая дочь Татьяна, которая жила вместе с ними.

– Что-то не так? – спросила она, взглянув на отца.

– Все нормально. Иди спать, – сказал он.

– Может, сделать тебе чай или кофе? – предложила дочь.

– Нет, спасибо. Иди спать, – снова повторил он.

Она согласно кивнула и вышла. А он, глядя ей вслед, улыбнулся. Почему-то с этой девочкой у него сложились особые, доверительные отношения. Может, потому, что она жила с ними, или потому, что он так мечтал о сыне, когда они ждали второго ребенка. Но родилась Таня. Разочарование было большим, но она постепенно стала самым близким и самым любимым человеком в их семье. Их связывал и еще один, почти невероятный, случай, происшедший в их жизни. Когда заболела воспалением легких Наина Иосифовна, положение осложнилось настолько, что супругу Ельцина пришлось отправить в больницу. В доме оставалась Таня, которой было только несколько месяцев. Отец решил отвезти ее к бабушке. Из Свердловской области в соседнюю – Пермскую – нужно было ехать более суток. В дороге ребенок начал плакать, захотел есть. Отец обегал весь поезд в поисках кормящей матери, но никого не нашел. Тогда он завернул хлеб в тряпку и дал дочери, но она не приняла эту своеобразную соску. Он давал ей воду, даже собственный палец, но ребенок плакал все сильнее и сильнее.

Соседи уже начали перешептываться. Нужно было сходиться с поезда и срочно искать подходящую кормилицу. Но молодой отец проявил находчивость. Он снял пиджак, растегнул рубашку и прижал девочку к собственной груди. Ре-

бенок нащупал сосок и, причмокивая, затих, а потом и заснул. Спустя много лет сам Ельцин будет вспоминать, как плакали некоторые женщины в вагоне, увидев эту невероятную сцену. Но ребенок уснул, и он благополучно довез ее до бабушки. Сама Татьяна никогда не верила в эту историю, когда отец рассказывал ей об этом.

Итак, нужно выбрать подходящего кандидата. С самого начала был один кандидат, которому он предложил идти на выборы с ним в одной паре. Уже ставший известным на всю страну народный депутат СССР, профессор Анатолий Александрович Собчак – председатель Ленинградского совета народных депутатов, прекрасный оратор, толковый юрист. Именно Собчак возглавил комиссию по проверке событий в Тбилиси. Именно он считался одним из наиболее известных демократов среди депутатов СССР. Но он отказался. Это было неожиданно и унижительно. Ельцин понимал, что он не хочет связывать себя с бывшим партократом, бывшим крупным партийным чиновником. Возможно, у Собчака были и собственные амбиции – он уже официально объявил, что собирается идти на выборы мэра Санкт-Петербурга, и ему совсем не хотелось занимать декоративный пост вице-президента. Собчак всегда немного отстранялся от бывших партаппаратчиков, хотя сам недавно вступил в партию, тогда как Ельцин вышел из нее еще в прошлом году. Может, это и к лучшему, что Собчак отказался идти в одной паре на выборы. Во всяком случае, Ельцин тоже не особенно до-

верял этому профессору из Ленинграда, вообще не любил краснобаев и златоустов.

Он снова прошел к столу, заставил себя сесть. Нужно, чтобы выбор был достаточно верным. Не ошибиться, усилить свои позиции, а не ослаблять их. Ему уже подобрали несколько кандидатур, но, конечно, Хасбулатов и Бурбулис считают, что именно из этой пары он должен сделать свой выбор, и оба напряженно ждут, кто же в конце концов станет его напарником. И каждый из них будет обижен, если выбор падет на другого. Значит, нужно выбрать кого-то не из этой двойки.

Если бы требовалось выбирать просто помощника, он бы не сомневался ни секунды. Идеальным помощником был Виктор Васильевич Илюшин, с которым он работал еще в ЦК КПСС, затем в горкоме партии, а сейчас Илюшин является заведующим секретариатом председателя Верховного Совета РСФСР. Или Лев Евгеньевич Суханов, его помощник еще в Госстрое. Оба – идеальные кандидатуры для любой работы, и он им доверяет больше остальных, но нужна публичная фигура. Нельзя предлагать своего помощника на пост вице-президента самой большой страны в мире. Это должен быть человек, которого можно «подать» населению.

Очень важно не просто выбрать подходящую кандидатуру. После провала его поездки в Европарламент, где европейские депутаты просто не захотели с ним разговаривать, он сделал нужные выводы. Горбачев все еще пользуется ко-

лоссальным авторитетом в мире, тогда как его авторитет в Союзе и в России катастрофически тает. Но европейские парламентарии пока об этом не знают. Или не хотят знать. После объединения Германии и распада Восточного блока в мире началось настоящее сумасшествие. Все преклоняются перед «Горби», считая его освободителем, сумевшим разрушить Берлинскую стену, давшим свободу народам и повернувшем свою страну на путь демократии. Ельцин никогда так не считал. Он не доверял Горбачеву, особенно после того, как тот подверг его публичной порке на пленуме Московского горкома партии, откуда Ельцина просто вышвырнули. Именно тогда Михаил Сергеевич произнес свою знаменитую фразу: «Я тебя в политику больше не пущу». Его перевели в Госстрой, где в первые несколько дней не звонил ни один телефон. Депрессия была ужасной, состояние более чем подавленное, настроение ни к черту. Гордый, самолюбивый, амбициозный человек, который всю свою жизнь так успешно шел по служебной лестнице, внезапно оказался в вакууме, словно его отрезали от реальной жизни и реальной политики. Ему тогда было настолько плохо, что однажды он даже ударил себя ножницами. Думал ли он серьезно о самоубийстве? Похоже, что нет. Но это был жест отчаяния сильного человека, который не хотел мириться с обстоятельствами. Этого Горбачеву он никогда не простит. На пленуме горкома, а потом на пленуме ЦК ему устроили публичное аутодафе. Хотя все могло закончиться гораздо хуже. Его могли

просто отправить на пенсию или выслать в какую-нибудь африканскую страну в качестве посла. И забыть о нем навсегда.

Эти европейцы просто не понимают процессов, которые происходят в Союзе. Поэтому и боятся поддержать прибалтийские страны, не готовы признавать их независимость. Их пугает распад такого монстра, как Советский Союз. И конечно, Горбачев кажется им не просто демократом, а настоящим мессией, освободившим мир от угрозы мировой войны. И еще Нобелевская премия, которую ему так услужливо вручили. Хасбулатов сумел узнать, что в начале июня Горбачев полетит в Норвегию выступать там с нобелевской лекцией. После этого он будет на такой высоте, что с ним уже никто не сможет тягаться. А ведь двенадцатого июня должны состояться выборы первого президента России... Ельцин стиснул кулаки. У европейцев совсем другое мышление. Ему показали, какие отклики были в газетах на его визит в Страсбург. Это настоящая катастрофа! Илюшин и Суханов оказались правы, визит нужно было тщательно подготовить, а он посчитал, что можно взять одним напором, одним своим появлением в Страсбурге. На этот раз не вышло. Нужно сделать надлежащие выводы и ослабить конфронтацию с Горбачевым. Западные страны ясно дали понять, что его не поддержат в этом противостоянии. Пока не поддержат.

Шестой час утра. Надо хоть немного отдохнуть, а утром еще раз посоветоваться со своими помощниками, чтобы сделать окончательный выбор. Но решение придется принимать

ему самому, и в конечном итоге только он ответствен за этот выбор. Ельцин поднялся из-за стола и отправился в спальню.

Ремарка

«Приехав в Страсбург, Ельцин должен отметить, что здесь признают только одного русского – Михаила Горбачева. Особенно неприятным для Ельцина стал понедельник, когда его подвергла суровому испытанию группа социалистов Европарламента. Ельцин явно не ожидал, что его будут называть «демагогом» и «безответственным человеком», а председатель группы социалистов Жан-Пьер Кот упрекнет его в том, что он «представляет оппозицию Горбачеву, с которым европейцы чувствуют себя увереннее».

«Монд», 1991 год

Ремарка

«Депутаты Европарламента заняли четкую позицию. В очень недипломатичных выражениях они дали понять главному сопернику Михаила Горбачева, что его единоборство с президентом СССР не находит понимания. Его стремление установить прямые отношения между Европарламентом и российским парламентом было отклонено. Развалившийся на части Советский Союз полностью дестабилизировал бы

ситуацию в Европе и мире».

«Берлинер цайтунг», 1991 год

Ремарка

«Необходимо помнить следующее: не располагающий опытом деятельности демократических институтов, Советский Союз может стремительно погрузиться в состояние кровопролития, голода, холода, анархии, если позиции Горбачева и нынешнего союзного правительства, какими бы слабыми они ни были, оказались бы подорваны».

«Нью-Йорк дейли ньюс», 1991 год

Ремарка

«Говоря о гражданском мире, историческом компромиссе, не обойти, само собой, вопрос об отношениях между президентом СССР М. Горбачевым и председателем Верховного Совета РСФСР Б. Ельциным. Хотя, если откровенно, многим уже надоела эта проблема. Мне в том числе. Но я по-прежнему не перестаю надеяться на сближение позиций этих двух лидеров. Убежден, объективно они нужны друг другу. И не просто они сами, но и те силы, которые за ними стоят. Поражение одного в конечном итоге приведет к поражению другого. К поражению перестройки,

демократических сил. Давайте рассмотрим несколько вариантов.

Вариант первый. В один прекрасный день президенту могут осточертеть призывы о его отставке, у него сдадут нервы, и он действительно реализует это требование. Президентом автоматически становится вице-президент. Временно. Возможно, «временно-постоянно». Новый президент в такой острокризисный момент будет обязан принять все меры для стабилизации обстановки и лишь потом уже думать о реформах. Что это будут за «меры»? Ввести военное положение, чтобы покончить с двоевластием. Словом, 90 процентов за то, что процесс перестройки прервался бы. Страна оказалась бы еще больше отброшенной назад.

Вариант второй. Борис Николаевич, одержимый идеей не допустить реванша, как выражаются в некоторых левых кругах, «коммунистической реакции», форсирует события на польский манер, с тем чтобы, как он недавно сказал, «или демократию задашат, или мы выстоим и победим обязательно в этом году». Забастовки нарастают как снежный ком. Жизнь в стране парализуется. Голод. Холод. Дикие вспышки бандитизма. Миллионы людей выходят на улицу с лозунгами: «Мы по горло сыты демократией! Мы голодаем! Мы бедствуем! Наведите наконец порядок!» В дело вмешивается армия.

Вариант третий. По каким-то заранее трудно предугадываемым причинам те, кого мы называем

демократами, действительно приходят к власти. Но ведь демократами в подлинном смысле слова далеко не всех из них можно назвать. Мы уже имеем тому примеры, когда, стоя у кормила власти, демократы действуют отнюдь не демократично. Это с одной стороны. А с другой – сама обстановка разрухи требует сильной авторитарной власти. И тут легко одному виду тоталитаризма уступить место другому. А в жизни народа вряд ли что изменится быстро к лучшему. Экономика ведь во многом загублена, рыночные отношения дадут ощутимые результаты не скоро...

Мне кажется, что президент СССР, если отбросить в сторону эмоции, должен радоваться итогам работы внеочередного съезда народных депутатов РСФСР. Кто реально может бросить вызов громадному большинству населения России, сделавшему свой выбор в пользу демократов, Ельцина? Разве только самоубийца. Поэтому, на мой взгляд, президенту хватит отступить, а нам хватит ссылаться на давление справа, со стороны военно-промышленного комплекса, сталинско-брежневского партаппарата, «красных помещиков» и т. д. Повторюсь, нет такой силы в обществе, которая, не рискуя потерпеть сокрушительное поражение, решилась бы пойти наперекор устремлениям народов России, Украины, Казахстана и т. д.

А если Горбачев и Ельцин, как того требуют интересы продвижения вперед реформирования

общества, перестанут ослаблять друг друга, а, наоборот, объединят свои усилия, то можете считать, что перестройка станет действительно необратимой».

Алексей Кива.

Газета «Известия», 1991 год

Глава 2

Ему невероятно повезло. Так и сказал ему управляющий делами, когда вручал ключи от квартиры на проспекте Мира. Эта двухкомнатная квартира была закреплена за Николаем Евсеевичем Вдовиным, который получил ее, работая в аппарате еще в семидесятые годы. В восемьдесят шестом его отправили послом в Сьерра-Леоне, и он уехал, оставив квартиру за собой. Супруга у Вдовина по национальности была немка из Казахстана. Сразу после смерти мужа в прошлом году она сообщила, что собирается выехать на постоянное место жительства в Германию, к дочери. Свою квартиру она сдала, и таким образом в их аппарате появилась эта пустующая двухкомнатная квартира. Все очередники, стоявшие в очереди на жилье, были женаты и имели детей. Ни один из них не мог, да и не очень хотел претендовать на двухкомнатную квартиру. Все знали, что строится новый дом, в котором каждый должен был получить квартиру. Поэтому после нескольких отказов решили предоставить эту квартиру новому инструктору административного отдела, который работал в аппарате только несколько месяцев и был переведен сюда из Баку, – Эльдару Кулиевичу Сафарову.

Квартира ему сразу понравилась. Балкон выходил на проспект Мира, отсюда открывалась удивительная панорама. Две большие комнаты, меблированная кухня. Уезжая в Гер-

манию, вдова сдала квартиру в превосходном состоянии. Сказывался и тот факт, что они много лет жили в африканской стране и в квартире проживала только старая мать жены посла, которая умерла больше трех лет назад.

Вручая ему ключи, управляющий делами пожелал успехов в работе и, улыбнувшись, добавил, что в его возрасте пора уже подумать о семье. Сафарову только недавно исполнилось тридцать два года, и он был переведен в Москву в конце девяностого. В административном отделе оказался в одном кабинете с Михаилом Алексеевичем Журиным, работающим здесь уже много лет. Журин курировал органы прокуратуры, тогда как самому Эльдару досталось в курацию министерство внутренних дел. Казалось, все идет как нельзя лучше. Общесоюзным министром был Борис Карлович Пуго, бывший партийный работник, хорошо понимающий специфику работы сотрудников аппарата. Министром внутренних дел России стал Виктор Павлович Баранников, который работал до этого в Азербайджане первым заместителем министра и хорошо знал Сафарова. Но почти сразу начались противоречия между союзным и республиканским министерствами. И все уперлось в кандидатуру нового руководителя московской милиции. Сегодня Сафарова вместе с заведующим отделом Савинкиным вызывали к секретарю ЦК КПСС Олегу Семеновичу Шенину. Заведующий отделом с утра звонил уже дважды, нервно уточняя о готовности Сафарова доложить материалы секретарю ЦК. Все понима-

ли необычность ситуации. Никогда в истории страны и в истории партии не было подобного прецедента.

В просторный кабинет секретаря ЦК они вошли вдвоем. Вместе с Шениным здесь сидели еще двое. Одного из них Сафаров часто видел по телевизору – это был секретарь ЦК Дзасохов. Второго он не знал, но вспомнил, что видел его среди секретарей, когда его утверждали. Все трое уставились на молодого инструктора, вошедшего вместе с заведующим.

– Здравствуйте, – сказал хозяин кабинета, – можете проходить и садиться. Мы с товарищами решили вас послушать. Хотим наконец понять, что происходит в нашей милиции.

– Мы подготовили все документы, – сообщил заведующий отделом. – Товарищ Сафаров доложит о состоянии дел в московской милиции.

– Молодой еще, – неожиданно сказал Дзасохов. – Вы из Баку?

Эльдар знал, что обычно выглядит моложе своих тридцати двух лет. Темные волосы, подтянутая фигура, моложавое лицо. Когда он работал в прокуратуре, многие принимали его за стажера, настолько молодым он казался. Хотя уже начал лысеть, замечая по утрам, как стремительно сокращается число волос. Это вызывало у него даже некоторую иронию. Он становился поразительно похож на отца и деда.

– Да, – ответил Эльдар, – меня перевели несколько месяцев назад.

– Товарищ Сафаров проработал в органах прокуратуры

больше семи лет, а затем работал в административном отделе ЦК КП Азербайджана, – доложил Савинкин.

– Очень хорошо, – улыбнулся Шенин, – только мы сейчас рассматриваем не его личное дело. Товарищ Сафаров, доложите, что у нас происходит в милиции. Мне утром звонил Михаил Сергеевич, его этот вопрос тоже беспокоит.

Заведующий нахмурился. Он уже пожалел, что привел с собой этого новичка, нужно было докладывать самому, если их отчет пойдет наверх, Генеральному секретарю. Но было уже поздно. Он испытующе взглянул на Сафарова, словно разрешая ему говорить, и Эльдар понял, что сегодня – один из самых важных экзаменов на профпригодность. Поэтому подвинул к себе папку и, не заглядывая в бумаги, начал докладывать:

– Двадцать третьего января сессия Моссовета своим решением освободила от должности начальника Главного управления внутренних дел Мосгорисполкома товарища Богданова и назначила своим решением на его место товарища Комиссарова. В Моссовете посчитали, что в свете последних митингов и демонстраций в Москве начальник милиции не справился со своими обязанностями и должен быть заменен на другую кандидатуру, которую они сами и предложили.

– Без согласования с министерством внутренних дел Союза? – уточнил Шенин.

– Да, – ответил Эльдар. – Они посчитали, что назначение

нового начальника – это исключительно прерогатива Москвы. Однако уже через две недели на коллегии Министерства внутренних дел СССР этот приказ был приостановлен, и Богданов остался исполняющим обязанности. Вопрос был вынесен в президентский аппарат. Мы подготовили все документы и передали их туда по просьбе руководителя аппарата. И в начале марта вышел Указ президента СССР о слиянии ГУВД Мосгорисполкома и ГУВД Мособлсполкома в одно Управление внутренних дел по Москве и Московской области. Руководителем этого объединенного органа Указом президента был назначен первый заместитель министра внутренних дел СССР Шилов.

Шенин взглянул на присутствующих. Все трое помрачнели, очевидно, понимая сложность и нелепость ситуации, при которой им приходилось сегодня обсуждать Указ президента страны. Затем сказал:

– Продолжайте.

– Двадцать седьмого марта, сразу после референдума, президиумы Моссовета и Мособлсовета заявили протест по поводу Указа президента о преобразовании местной милиции, – продолжил Эльдар. – На следующий день съезд народных депутатов России приостановил действие Указа президента СССР, заявив, что это нарушение суверенитета России, и принял решение, подтверждающее, что московская милиция должна подчиняться только Министерству внутренних дел России.

– Вот так, – сказал Шенин, снова посмотрев на сидевших рядом. – Они просто приостановили Указ президента, считая, что это нормально. Что было дальше?

Эльдар увидел, как Дзасохов покачал головой, а второй, неизвестный ему мужчина отвернулся, словно не желая, чтобы кто-то увидел выражение его лица, и снова заговорил:

– Пятого апреля Борис Карлович Пуго встретился с председателем исполкома Моссовета Лужковым, и они подписали соглашение о разграничении полномочий.

– А Попов не мог сам поставить свою подпись? – неожиданно спросил Шенин.

– Он старается не вмешиваться в подобные дела. Идет на выборы мэра, – пояснил заведующий отделом Савинкин.

– На следующий день министр внутренних дел России Баранников подписал приказ о назначении начальником Главного управления генерала Комиссарова, – сообщил Эльдар. – Но на коллегии МВД СССР объявили, что руководителем московской милиции является Шилов. Возник правовой тупик, в котором обе стороны считают свою кандидатуру единственно приемлемой.

– У вас все? – поинтересовался Шенин.

– Да.

– Что рекомендует отдел?

Сафаров посмотрел на заведующего, словно приглашая его ответить на этот вопрос.

– Провести коллегию московской милиции с приглаше-

нием всех заинтересованных сторон, – заученно ответил Савинкин, – и объяснить депутатам Моссовета, что указы президента страны не обсуждаются и не оспариваются, а выполняются.

– И они вас послушают? – спросил мужчина, фамилию которого все пытался вспомнить Эльдар.

Савинкин смутился. Он понимал, что ответить утвердительно на этот вопрос означает подставиться. Ответить отрицательно – значит расписаться в собственном бессилии.

– Мы пытаемся воздействовать на сотрудников МВД – членов партии, – высказался он наконец. – Решили пригласить генерала Комиссарова на заседание парткома Академии МВД, где он пока числится.

– А если он выйдет из партии, как сейчас модно, чтобы получить свою должность? – с ехидством заметил Шенин.

Заведующий отделом замолчал. Он тоже понимал сложность ситуации. Шенин перевел взгляд на молодого инструктора и недовольно уточнил:

– Вы все это время сидите в кабинете и пытаетесь руководить отсюда?

– Нет, я не сижу в кабинете. – Эльдар даже слегка возмутился. – Меня отправляли в служебные командировки. В Литву и в Осетию...

– В Южную Осетию, – поправил его Дзасохов.

– В Южную, – согласился Эльдар.

– Значит, это вы туда ездили, – понял Шенин. – Удобно

и очень выгодно – посылать самого молодого сотрудника. И какие впечатления вы вынесли из этих командировок? Только предельно искренне, нам неинтересно слушать очередную передовицу наших партийных газет.

– В Осетии идут ожесточенные столкновения между грузинами и осетинами, спровоцированные необдуманной политикой Гамсахурдиа и его окружения, – ответил Сафаров. – Хотя есть экстремисты с обеих сторон. Сначала было непродуманное решение о ликвидации области как автономии, затем – вспышка ответного национализма. Как это обычно бывает.

– А в Литве? Тоже вспышка обычного национализма? – спросил Дзасохов. – Не слишком ли примитивно вы рассуждаете? – Он был осетином по национальности, поэтому и задал такой вопрос.

– В Литве большинство населения не согласно с нашей позицией. Они настаивают на своем суверенитете и поддерживают свой Верховный Совет, – продолжал Сафаров, понимая, что не имеет права, останавливаться, даже если после этого заявления ему предложат собрать свои вещи. – Считаю, что действия по захвату телецентра были проведены поспешно, без учета конкретной обстановки, что в итоге привело к человеческим жертвам.

Наступила звенящая тишина. Савинкин от растерянности не мог сказать ни слова. Он подумал, что не нужно было утверждать такого молодого сотрудника в отдел. Сейчас гря-

нет буря, и наверняка больше всех достанется именно ему. Но сидевший рядом с Шенином секретарь ЦК неожиданно улыбнулся.

– У вас все такие принципиальные? – спросил он.

– Видимо, все, – ответил Шенин. – А как бы вы поступили в Литве? Только откровенно, как говорили до этого.

– Очевидная слабость центра – в непоследовательной политике. Если было принято решение отменить постановления Верховного совета Литвы, его нужно было проводить в жизнь. И другими методами. А если вводить комендантский час, то не решением местного коменданта, а объявлением чрезвычайного положения, что мог сделать либо президент государства, либо Верховный совет страны, – честно произнес Сафаров.

– Вы с ума сошли! – не выдержал Савинкин. – Что вы себе позволяете?

– Позволяет говорить правду, – перебил его Шенин. – Молодец! Нужно, чтобы у нас работали именно такие сотрудники.

Заведующий отделом недоуменно посмотрел на секретарей ЦК. Неужели им могли понравиться подобные крамольные речи в этом здании? А Шенин неожиданно спросил:

– Теперь мне интересно услышать ваше личное мнение по поводу этого конфликта в милиции. Вы сообщили только факты. Я бы хотел услышать вашу оценку случившегося. Вы же профессиональный юрист, много лет работали в про-

куратуре...

– Отдел считает... – попытался вставить Савинкин.

– Мы слышали, что считает отдел, – перебил его Шенин, – мне интересна точка зрения нашего нового сотрудника. Что он думает об этом конфликте?

Все посмотрели на Сафарова, словно именно от его слов зависело разрешение конфликта.

– Я считаю, что президент страны имеет право принимать любые решения по поводу правосубъектности московской милиции, – сказал Эльдар. – Но здесь явное противоречие между провозглашенным суверенитетом России и указами союзного президента. Хотя все понимают, что это только формальность. Ведь сам Баранников был прислан в Азербайджан в качестве первого заместителя министра внутренних дел республики, и никто не говорил, что это нарушает местный суверенитет.

Шенин усмехнулся. Этот молодой человек ему понравился. Нужно опираться на таких – способных, умных, толковых. Самое главное – смелых и честных.

– У вас есть конкретные предложения, как разрулить ситуацию? – поинтересовался секретарь ЦК. – Мы ведь сейчас формально не имеем права вмешиваться в работу правоохранительных органов, а депутаты Моссовета будут настаивать на своей кандидатуре. Мы все прекрасно знаем, что их поддержат российские власти.

– Завтра у них состоится встреча, – сообщил Сафаров, –

уже звонили из Моссовета. Товарищи Лужков, Станкевич, заместитель министра внутренних дел России Дунаев и, возможно, сам Комиссаров. Они все приедут на Петровку, тридцать восемь.

– Хорошо подготовились, – заметил Дзасохов.

– Внушительная делегация, – согласился Шенин. – Кто их будет встречать?

– Нам сообщили, что туда приедут первые заместители министра внутренних дел СССР Громов и Шилов. Вызовут и прежнего начальника – генерала Богданова. Насколько мне известно, приехавшие депутаты во главе с Лужковым будут требовать присутствия и представителя аппарата президента.

– Это не совсем удобно, – сразу отреагировал Дзасохов, – так подставлять Михаила Сергеевича.

– Будет лучше, если поедете вы, – добавил незнакомец, снова вмешавшись в разговор, – как представитель аппарата президента. Не обязательно всем рассказывать, что вы являетесь инструктором административного отдела, хотя в вашем возрасте это очень большая должность. Кто-нибудь из них в лицо вас знает?

– Баранников меня хорошо знает. С Борисом Карловичем я тоже лично познакомился. Остальные меня не знают. В московской милиции у меня один знакомый – только первый заместитель начальника ГУВД генерал Сергеев. Нас вместе утверждали.

– В таком случае поезжайте, – разрешил Шенин. – Но учтите, что мы не являемся стороной конфликта и никак в нем не участвуем. Я позвоню Борису Карловичу и попытаюсь убедить его взять это дело под свой контроль. Ваша задача – наблюдение за ситуацией и объективный анализ. Вот и все, что от вас требуется. Вы меня понимаете?

Сафаров кивнул. Вместе с заведующим отделом они вышли из кабинета. Шенин недовольно нахмурился.

– Никогда не думал, что буду говорить подобные слова инструктору ЦК КПСС, – признался он. – Вот поэтому мы все время и отступаем, что от нас требуют не вмешиваться в эти конфликты.

– С российскими депутатами будет трудно договориться, – вздохнул Дзасохов, – они ждут июньских выборов президента.

– Представляю, что тогда начнется, – сказал Шенин. – Два президента в одном городе – слишком тесно обоим, особенно если учесть характер Бориса Николаевича.

Сидевший рядом с ним секретарь ЦК Бакланов промолчал. Он вообще не любил много говорить. В течение пяти лет Бакланов работал министром общего машиностроения СССР. Немногие знали, что этим термином обозначались закрытые предприятия военного и космического характера, называемые «почтовыми ящиками». В восемьдесят восьмом году, по предложению самого Горбачева, Бакланова избрали секретарем ЦК КПСС и поставили на руковод-

ство военно-промышленным комплексом страны. Все знали, что на предстоящем апрельском Пленуме ЦК КПСС, через несколько дней, Бакланов перейдет заместителем председателя Совета обороны при президенте СССР. Даже формально это продвижение. Именно поэтому Шенин пригласил своего коллегу на заседание. Бакланов мрачно слушал, почти не вмешиваясь в разговор. Привыкший к порядку и дисциплине в своем бывшем министерстве, он не понимал и не принимал процессов, происходивших в обществе. В этом вопросе они были твердыми единомышленниками с Шениным. Бакланов с сомнением и опаской наблюдал за разрушением некогда мощного военно-промышленного потенциала страны, считая это недопустимым и опасным не только для Советского Союза, но и для всего мира.

Когда Сафаров и заведующий отделом вышли из кабинета, Савинкин покачал головой:

– Вам просто повезло, что сейчас другие времена. И другие секретари ЦК. Если бы вы посмели сказать одну десятую того, что говорили сегодня, Суслову или Кириленко, вас бы не только выгнали отсюда, но и исключили бы из партии. Но вообще – молодец, – неожиданно улыбнулся он, – здорово проявил себя. Пусть знают, что мы не только в кабинетах сидим.

В кабинете Эльдара уже ждал Журин.

– Был у Шенина? – уточнил всезнающий Михаил Алексеевич. – Говорят, что тебя там встречал целый триумвират.

Даже Бакланов пришел.

– Так это был Бакланов, – понял Эльдар, – а я его и не узнал. Дзасохова узнал сразу. Он еще уточнил: действительно я из Баку?

– Можно сказать, что ты докладывал секретариату о своей работе, – усмехнулся Журин. – Учти, что Бакланов идет на повышение, а Шенин у нас восходящая звезда. Говорят, скоро нашего тусклого Ивашко уберут и на его место заместителем Генерального секретаря рекомендуют Шенина. Ивашко уже давно никто всерьез не воспринимает, как и Янаева. А вот Шенин и Лукьянов, которые формально считаются стоящими на одну ступеньку ниже, – настоящие лидеры. Держись за них – не прогадаешь.

– Они посылают меня завтра на Петровку, присутствовать при «драке» между двумя группами, – с тревогой в голосе сообщил Сафаров.

– Это испытание, – согласился Журин, – хотят тебя проверить. Справишься – значит, будешь на хорошем счету. А не справишься – быстро вылетишь отсюда и полетишь обратно в Баку заместителем министра внутренних дел или начальником вашего ГУВД. Это уж как повезет. Только учти, что тебе нужно быть осторожнее. Не дергаться, не лезть со своим авторитетным мнением и вообще стараться меньше говорить и больше слушать.

– Постараюсь, – улыбнулся Эльдар.

– Когда квартиру думаешь обмывать? – поинтересовался

Журин. – Ты даже не представляешь, как тебе повезло. Сейчас Мосгорисполком принципиально не выделяет нам новые квартиры. Попробовали бы они раньше хотя бы пикнуть... При Промысловом все было, как нужно, а сейчас демократия. Все ждут, когда построят наш новый дом. На московское руководство теперь рассчитывать не приходится.

– Мне об этом уже говорили.

– Значит, должен обязательно обмыть. И пригласить всех товарищей. Не забудь Коломенцева и Мягкова из соседнего кабинета. Они ведь кураторы КГБ; может, по знакомству сразу поставят у тебя в квартире «жучок», чтобы ты чувствовал себя спокойно. Хотя думаю, там все уже оборудовано по первому разряду. Вдовин был послом, а до этого работал в общем отделе ЦК КПСС. За такими нужно приглядывать, и наши доблестные органы наверняка иногда прослушивали, о чем говорит его выжившая из ума теща и с кем она разговаривает.

– Насколько я слышал, есть категорический запрет на разработку органами КГБ сотрудников партийных органов, – напомнил Эльдар.

– Это при Хрущеве ввели, чтобы оградить партийных работников от всесильных органов, – согласился Журин. – Только тогда партия была у нас «ведущей и направляющей», и мы все готовились дружно строить коммунизм. А сейчас выяснилось, что до коммунизма нам еще очень далеко, партия уже не единственная и не ведущая, и из Конституции

соответствующую статью убрали. То есть мы опять превратились в обычных смертных. И вообще, я люблю все наши органы – и государственные, и мои личные! – громко крикнул Журин. Ему нравилось шутить.

На следующий день Эльдар поехал на Петровку, чтобы присутствовать при встрече депутатов Моссовета с представителями министерства внутренних дел Союза. В приемной ему выписали пропуск. Генерал Сергеев, с которым они вместе летали в январе этого года в Вильнюс, уже ждал его и предложил:

– Идем ко мне в кабинет, встреча начнется через час. Они уже звонили из Мосгорисполкома, что собираются выезжать. Этот Лужков такой напористый мужик оказался, все время давит на наших генералов.

– А они как реагируют?

– Как все. Что им остается? Ты посмотри, как спланированно нападают на Пуго в нашем союзном парламенте и как российский парламент поддерживает Мосгорисполком. Все это видят, и никто не знает, как себя вести. Такой всеобщий бардак. Везде. Но когда бардак в колхозе, то бывает плохо свиньям или коровам. Когда на фабрике, там начинаются перебои с поставками продукции. А вот когда бардак в милиции – это уже катастрофа. У меня тут сводка за последние сутки – триста сорок четыре преступления по городу. А начальники выясняют, кто из них главный. Глупо и стыдно.

– Тогда скажи, что ты предлагаешь?

– Я тебе сразу скажу. Комиссарова я давно знаю. Он мужик настоящий, порядочный. С Шиловым тоже знаком. Оба – профессионалы. Но за каждым из них амбиции наших лидеров. Сейчас все грамотные, все понимают, что происходит. В июне будут выборы президента России, и там наверняка победит Борис Николаевич. Значит, нужно иметь начальником милиции своего человека. Горбачеву это не нравится, он хочет иметь своего. Вот они и устраивают такое «перетягивание каната», кто кого. Все понимают, что Лужков и Попов стараются для Ельцина, а Пуго и весь ваш отдел работают на Горбачева. Два президента, две власти, два руководителя.

– Это и я понимаю. Что же делать?

– Я бы тебе сказал, но ты у нас большой партийный начальник. Нужно стукнуть кулаком по столу и послать всех подальше. Это милиция, здесь десятки тысяч вооруженных людей, которые обеспечивают порядок в многомиллионном городе. Нельзя устраивать выборы или переговоры. Раз Шилов назначил президент СССР, значит, он и должен сидеть. Все, дискуссии закончились. Это не колхоз, где выбирают председателя. Хотя вы все равно и там не давали выбирать. Уже много лет было «мнение райкома партии», и все. Люди дружно поднимали руки.

– Ты сам из колхоза, – улыбнулся Эльдар.

– Да, из Тамбова. Моего прадеда еще Тухачевский газом травил, когда они всей деревней Антонова поддерживали. Потом прадеда убили в глупой перестрелке, и это спасло его

семью от раскулачивания. Дед мой долго в колхоз вступать не хотел, пока ему не пригрозили выселением. Пришлось вступить, хотя всю жизнь в душе он был убежденным антисоветчиком. А вот отец был секретарем комсомола. Такое получилось противоречие в одной семье. Они все время спорили, ссорились, ругались, но друг друга любили. После войны мой отец восстанавливал ДнепрогЭС и там женился. Только ты не думай, что меня напрасно генералом сделали. Биография у меня чистая. Отец всю войну прошел в пехоте, три ранения получил, но остался жив. Два ордена Славы имел. Все время жалел, что их часть на японскую войну не перебросили, как планировали. Он бы тогда наверняка третий орден Славы получил и стал бы полным кавалером.

– Дурак ты, Виктор, – перебил его Сафаров, – твою анкету уже сто раз проверяли, прежде чем генералом сделать и в этот кабинет посадить. Ты сам ведь ранен был, настоящий боевой офицер. Кто у тебя твои заслуги отнимет?

– Я не про это. Я про биографию свою часто думаю. Как будто в истории нашей семьи весь двадцатый век русского человека отразился. Прадед мой имел большое хозяйство. Когда в восемнадцатом церковь в их селе попытались сжечь, он вместе с братьями ее отстоял. Он был уже зажиточным крестьянином, таких еще кулаками потом называли. Дед рассказывал, что его отец работал по четырнадцать-шестнадцать часов в день. Семья у них большая была, всех прокормить нужно. А потом пришли комиссары и отняли весь хлеб.

На следующий год опять. Когда пришли в очередной раз, уже почти ничего не осталось. Начался голод. Вот тогда тамбовские крестьяне и не выдержали. В наших учебниках истории до сих пор пишут про «тамбовский мятеж». Хотя Ленин оказался умнее всех и понял, что дальше так продолжаться не может. После тамбовского и кронштадтского восстаний ввели новую экономическую политику. Можно сказать, что эти несчастные крестьяне и матросы своими загубленными жизнями заставили государство и партию изменить свою политику.

— Если бы не было политики «военного коммунизма», они бы не удержали советскую власть, — задумчиво проговорил Эльдар. — Я читал много книг по этому периоду истории.

— Я не говорю, кто был прав, а кто не прав. Просто рассказываю историю своей семьи. Может, и сейчас мы не совсем понимаем, что происходит. Кто сегодня прав? Горбачев, который пытается что-то сделать, или Ельцин, который разрушает прежние устои и тоже пытается что-то сделать? Может, наступили другие времена и Советский Союз уже обречен? А может, они оба не правы? Я не знаю, что тебе подсказать. Я был у вас в Карабахе во время волнений. Там нас ненавидят и те и другие. Мы как живые мишени между двумя враждующими народами. Тогда зачем надо подставляться под пули? Пусть живут, как хотят, и сами устанавливают свои порядки.

— И пусть все окончательно разрушится? И это говорит генерал милиции?

– Это тебе говорит человек, который видит все последствия надвигающегося бардака. Теперь представь, что будет завтра, сразу после выборов президента России. Они потребуют создать свой республиканский КГБ, не подчиняющийся союзному. А потом армию. Российскую армию, не выполняющую распоряжений союзного руководства. Интересно, как они будут делить ядерные боезаряды?

– Это ты разминаешься перед встречей? – мрачно поинтересовался Сафаров.

– Это я тебя жалею. Трудная у тебя задача. И не обижайся. Я все-таки намного старше по возрасту, почти на десять лет. Иногда могу что-то подсказать. Если не сумеете отстоять свою точку зрения в милиции, готовьтесь к большим потрясениям. Помнишь, как российские депутаты приняли решение о том, что граждане России не должны принимать участие в боевых действиях за границами России? Это общий развал, Эльдар. Неминуемый и окончательный развал. И здесь есть только один выход. Либо вы наводите порядок, либо наступает всеобщий бардак, и от нашего прежнего государства остаются рожки и ножки. – Генерал посмотрел на часы и невесело усмехнулся. – Скоро приедут наши парламентареры. Ничего, я уже дал указание, чтобы их не пускали.

– Ты с ума сошел? – удивился Сафаров. – Как это – не пускали?

– Не всех, конечно. Посмотрим, что там будет, – уклонился от ответа Сергеев, – сейчас все равно пойдем к Шилову.

– Я все время хочу тебя спросить, – вспомнил Эльдар, – что там с банкиром? С этим Эпштейном, который узнал заранее про обмен денег и убил своего родственника, мужа сестры, чтобы замести следы?

– Ты забыл, что другая сестра была замужем за нашим заместителем министра внутренних дел Ванилиным, – мрачно напомнил Сергеев. – Отпустили, конечно. Дело развалилось еще на стадии следствия. Свидетелей нет, убийцу не нашли, только косвенные улики. И еще все время звонил Ванилин. Следователь прокуратуры мне честно признался, что он убежден в вине банкира, тем более что по банку прошли такие суммы. Но доказать убийство не удалось.

– А хищение? Там ведь был явный сговор, и они обменяли намного больше денег.

– Возбудили уголовное дело и сейчас проверяют. А Эпштейна пока выпустили.

– Это неправильно, – резко возразил Сафаров, – я сам позвоню в прокуратуру. Его нельзя было отпускать, он организовал убийство Вячеслава Томина.

– Даже не думай! Это сейчас называется «вмешательство партийных сотрудников в работу органов прокуратуры», – напомнил Сергеев.

– А Ванилину можно? – разозлился Эльдар.

Наступило молчание. После долгой паузы Сергеев не выдержал и недипломатично спросил:

– Это из-за его сестры?

Сестра убитого Томина была супругой посла Скороходова и знакомой Эльдара. Они познакомились при довольно странных обстоятельствах, когда она сбила его на своей машине. Не было никаких отношений, ничего, что можно бы назвать отношениями, и вместе с тем нечто доверительное, какая-то внутренняя духовная связь между ними возникла сразу. Но затем она уехала к мужу в Швейцарию, ничего не объяснив, и он остался один... Они странно познакомились и странно расстались.

Зазвонил телефон. Сергеев взял трубку, коротко ответил «ясно» и повернулся к Эльдару:

– Нас ждут, нужно идти. Пока они не приехали, поговори с Шиловым и Грозовым. А насчет банкира не беспокойся и не дергайся. Я сам позвоню прокурору. Там такие хищения в банке «Эллада», что твоего банкира расстрелять нужно. Если, конечно, все зафиксируют и докажут. Пошли, у нас впереди интересная коррида, какой еще никогда здесь не было. Хотя, кажется, на Петровке чего только не было.

Они поднялись и вместе вышли из кабинета.

Ремарка

«Председатель Мосгорисполкома Юрий Лужков заявил, что Указы президента СССР о переподчинении московской милиции исполком признавать не собирается, да и сама московская милиция его

практически не признает, так как находится в тесных контактах с городскими властями».

Интерфакс

Ремарка

«Конфликт между союзными, республиканскими и городскими органами власти вокруг кандидатуры шефа столичной милиции продолжается. «Если произойдет раскол вооруженных формирований МВД, а мы к нему близки, то это сотрясет не только Москву, но и всю Россию», – заявил заместитель председателя Комитета ВС РСФСР по правам человека Николай Аржанников.

Пока в России хозяйничали бывшие руководители, президент не ощущал потребности вмешиваться во внутренние дела города, а иначе, как вмешательством, его Указ о создании Главного управления МВД СССР по Москве и области не назовешь. Даже когда гибли люди в Фергане, Узгене, Оше, президент не издавал подобных указов. Так что, в Москве вообще наступил беспредел? Или Моссовет страшнее погромов?

«Я думаю, что союзные правители из-за своих политических амбиций умышленно провоцируют если не вооруженное противостояние, то разгул преступности уж точно, чтобы потом, «по требованию трудящихся», ввести в столице чрезвычайное положение или президентское правление», – считает

Н. Аржанников.

А. Корзун «Комсомольская правда», 1991 год

Ремарка

«К вопросу о создании союзного управления внутренних дел по Москве». Указом президента СССР из тела десятиллионного города вырвали жизненно важный орган и пересадили его в и без того тесную семью союзных главков. С сотнями отделов и легендарным МУРом, с пожарными и паспортистами, со всеми зданиями и транспортом, коммуникациями и амунициями. По какому праву? По праву лисицы, которой лубяная избушка краше ледяной. Удивляться не стоит. В нашем на редкость правовом государстве уже чего только не изобретали. Депутат от филателистов, нижний и верхний парламенты, подзаконные законы, какие-то немислимые моратории на действующие законы и конституционные права. И еще президент в стороне от трех разделенных властей, что не мешает ему самому принимать нормы права и самому же их исполнять...

Так что в Указе президента протест вызывает не то, что в МВД СССР создан еще один главк, а то, что сделано это антиправовым способом и за чужой счет. Дело не только в материальных средствах. Союз узурпировал функции, которые ему вовсе не принадлежат, – функции охраны порядка на территории

суверенной республики. Чтобы доказать это, вовсе не обязательно опираться на законы России. Глава СССР в очередной раз откровенно проигнорировал законы СССР».

Н. В. Федоров, министр юстиции РСФСР

Глава 3

Каждый день он с нарастающим отвращением смотрел на папку, которую Болдин лично оставлял на столе. Это были секретные донесения и шифрограммы КГБ, Министерства обороны, Министерства иностранных дел, других ведомств, краткий обзор вышедших газет, сообщения о происшедших в стране событиях, нараставших как снежный ком. В Прибалтике сохранялась напряженность. Грузия готовилась последовать примеру прибалтийских республик. Противостояние в Молдавии становилось очевидным фактом, а между Азербайджаном и Арменией шли ожесточенные военные столкновения по всему периметру межреспубликанской границы. И плюс еще события в Оше, где вспыхнули противоречия между киргизами и узбеками. Все это на фоне происходивших грандиозных перемен в мире, когда объединилась Германия, был распущен восточный блок стран Варшавского договора, начались центробежные процессы в Югославии, продолжала сохраняться напряженная обстановка на Ближнем Востоке. Хорошо еще, что американцы не полезли дальше в Ирак, а решили ограничиться лишь освобождением Кувейта. Сказалась позиция Советского Союза и Китая, которые были не в восторге от полной победы американцев, хотя и не возражали против освобождения самого Кувейта. Да и арабские страны не стали бы поддерживать американцев в

борьбе против Саддама Хусейна.

Он снова посмотрел на эту папку, которую нужно было открывать каждый день, и нахмурился. Не читать невозможно, а читать – значит испортить себе настроение на весь день. Но все-таки раскрыл ее. Первые сообщения из Осетии. Там все еще неспокойно. Он сразу потянулся к телефону, поднял трубку прямой связи с министром внутренних дел.

– Борис Карлович, здравствуй. Я прочитал ваши сообщения по Осетии. Что думаешь делать?

– Доброе утро, Михаил Сергеевич, – ответил Пуго. – Там очень сложная обстановка, особенно сейчас, перед референдумом. Грузины собираются провозгласить свою независимость, а осетинов называют «аборигенным народом».

– Ну, это совсем никуда не годится, – возмутился Горбачев.

– Мы ввели туда дополнительный контингент, – продолжал Пуго, – но наши люди не могут все время стоять между двумя враждующими народами. Нужно, чтобы в Тбилиси осознали опасность этого противостояния.

– Это им надо говорить, – мрачно посоветовал Горбачев. – А как у их соседей?

– Еще хуже, – честно ответил Пуго. – Идут настоящие бои с применением установок «Град» и автоматического оружия. Внутренние войска несут большие потери. Самое неприятное, что милиция с обеих сторон принимает активное участие в этом конфликте, помогает оружием и техникой. Сей-

час мы разрабатываем комплекс мер по наведению порядка и на границе, и в самой Нагорно-Карабахской области. Будем думать о привлечении к этой операции части воинского контингента, дислоцированного на территории Азербайджана.

– Все должно быть в рамках закона, – устало произнес Горбачев; попрощавшись, подумал про себя: «Можно было даже не звонить. И так понятно, что именно мог сказать Пуго. Этот пунктуальный и добросовестный латыш просто не умеет иначе. Он говорит так, словно бесстрастный комментатор происходящих событий, а не министр внутренних дел огромной страны. Он всегда такой, предельно честный и откровенный».

Михаил Сергеевич продолжил изучать содержимое папки. Комитет государственной безопасности прислал сразу четыре сообщения – о настроениях людей, о положении в Прибалтике, о визите Ельцина в Европарламент и об обстановке на Кавказе. Из всех сообщений самое интересное о Ельцине. Его визит в Страсбург явно провалился. Почти все газеты отметили, что его не захотели понимать и поддерживать в его противостоянии с союзным руководством. Горбачев внимательно перечитал выдержки из газет. Да, визит Ельцина провалился. Может, он теперь будет сговорчивее, когда поймет, что Запад не готов его поддержать.

А с другой стороны, он все равно идет на президентские выборы, и в аналитических службах КГБ считают, что у него самые высокие шансы стать президентом. Значит, летом в

Москве появятся два президента. Горбачев невесело усмехнулся. Первая в мире страна, где в одной столице будут сидеть два президента. Пока президентов избирали в других республиках, все было не так сложно, а теперь у России тоже будет свой президент. Интересно, где он собирается устроить свою резиденцию? Если в Кремле находится президент Советского Союза, то где должен находиться президент России?

Он позвонил руководителю своего аппарата Болдину.

– Валера, я просматриваю сейчас сообщения о визите Бориса Николаевича в Страсбург. Нужно, чтобы эта подборка попала и в наши газеты.

– Уже передали, Михаил Сергеевич, – ответил исполнительный Болдин, – сразу в несколько газет. На этой неделе все статьи будут перепечатаны.

Горбачев положил трубку. Кажется, Болдин научился угадывать его мысли. С одной стороны, это неплохо, а с другой – немного неприятно. Получается, что все окружающие догадываются о его истинном отношении к Ельцину. Конечно, он не любит этого вечного «фрондера» и оппозиционера. Конечно, он сделал все, чтобы удалить из политики этого опасного популиста. Но чем больше он старался, тем большей популярностью пользовался Ельцин. Этот феномен «обиженного» на Руси всегда срабатывал почти безошибочно. Просто в стране не было политика такого ранга и масштаба, которого бы сняли с работы и удалили из Политбюро. А в про-

шлом году Ельцин демонстративно вышел из партии. Когда он уходил из огромного зала, объявив о своем выходе из партии, некоторые делегаты довольно громко кричали: «Позор!» Но и это его не остановило. А сейчас он рвется в президенты России.

Но на данный момент самый главный вопрос даже не Ельцин и не выборы, назначенные на двенадцатое июня. С этим они потом разберутся. Сейчас самое важное – объединенный Пленум Центрального комитета и Центральной Контрольной комиссии, который должен состояться в конце апреля. После мартовского референдума число критиков самого Горбачева выросло в геометрической прогрессии. С одной стороны, они почувствовали его шаткое положение, он был вынужден пойти на подобный референдум, не сумев затормозить решение о выборах президента России. Все понимали и без аналитических записок КГБ, что главным кандидатом будет Ельцин. А референдум был вынужденной мерой, чтобы, опираясь на него, попытаться сохранить Союз, предложив союзный договор. Но в нормальном государстве такие референдумы просто не проводят. Было бы смешно голосовать за сохранение Соединенных Штатов или Индии, Канады или Германии. С другой стороны, прошедший референдум вдохновил критиков Горбачева на активные действия. В этих условиях проводить Пленум ЦК – значит сознательно подставляться. Добровольно идти на гильотину, уже точно зная, что собравшиеся на Пленуме члены Центрального

комитета наверняка выдвинут предложение о его досрочной отставке.

Горбачев захлопнул папку. Больше читать не хотелось. Все и так понятно. Страна распадается буквально на глазах, сложное экономическое положение усугубляется политическим распадом, идет парад суверенитетов. Уже даже отдельные города изъявляют желание провозгласить его. Не замечать подобного невозможно. Из многих республик и областей поступают сигналы о резкой критике курса президента страны. Многие считают, что он лично ответствен за все, что происходит, и лично виноват во всех этих политических и экономических проблемах.

Горбачев снова посмотрел на лежавшую перед ним папку. Масштабы происходивших перемен можно понять, открывая эту папку каждый день. Но опаснее всего – наскоки с мест, когда областные и республиканские секретари все настойчивее и громче требовали его отставки. И если ничего не предпринимать, то вполне вероятно, что на волне всеобщего недовольства и после мартовского референдума противники перейдут в атаку и добьются его отставки с должности Генерального секретаря ЦК КПСС. А в условиях, когда почти все силовые руководители в Центре и на местах являются коммунистами, когда армия, КГБ и МВД находятся под контролем таких упертых людей, как Язов, Крючков и Пуго, должность Генерального секретаря остается решающей для его окружения и для всех силовых министерств. И

отдавать этот пост в чужие руки он не намерен. Формально новый Генеральный секретарь легко может просто сместить президента СССР с его должности. Достаточно рекомендовать делегациям республик и местным коммунистам проголосовать за другого человека, и на этом все закончится. Нужно быть совсем наивным человеком, чтобы этого не понимать. С другой стороны, коммунистическая партия уже не является правящей партией в республиках Прибалтики, в Грузии, Армении, Молдавии, даже в Киргизии. Ставший президентом Киргизской Республики Аскар Акаев тоже не является лидером компартии своей страны. Но, в отличие от Ландсбергиса или Гамсахурдиа, он хотя бы не призывает к немедленному отделению и провозглашению независимости. Акаев – бывший президент Академии наук Киргизии, крупный ученый, практиковался в Ленинграде. Он далек от авантюристической политики некоторых своих коллег, и ему труднее остальных. В республике созрел ошский конфликт, когда вспыхнуло противостояние между киргизами и узбеками.

Он снова взял трубку телефона, позвонил секретарю ЦК Олегу Семеновичу Шенину, готовящему материалы к апрельскому Пленуму ЦК КПСС, и предложил:

– Приезжай ко мне.

Шенин появился в кабинете через полчаса, и тоже с папкой в руках. Горбачев неприязненно покосился на нее, словно каждый, кто появляется в его кабинете, должен испортить

ему настроение. Он заранее знает все, что скажет ему Шенин. Или почти все. Ему нравился этот перспективный партийный работник, который был на шесть лет младше его. Серьезный, грамотный, начитанный, умеющий анализировать и не теряющий головы в трудных ситуациях. Он сам выдвинул умницу Шенина секретарем ЦК, рассчитывая на его поддержку.

Горбачев поднялся из-за стола, пожал руку прибывшему, предложил сесть и сразу поинтересовался:

– Что у нас по Киргизии? Кажется, Масалиев там засиделся. И выборы он проиграл, и вообще ведет себя неадекватно, говорят, все время пытается оспорить решения Акаева. А ведь он сам его выдвигал в президенты Академии наук и утверждал на своем бюро ЦК.

– Масалиев явно не справился с ситуацией в республике, – уверенно ответил Шенин. – Я считаю, что мы вправе поставить вопрос о выдвижении на эту должность товарища Аманбаева. И на Пленуме нужно рассмотреть этот организационный вопрос, вывести Масалиева из Политбюро.

– Так и сделаем, – согласился Горбачев. – Нужно поддержать Акаева, чтобы другие тоже это почувствовали. Что у тебя в твоей папке? Опять принес «рапорты с мест»?

– На некоторых областных пленумах коммунисты требуют поставить вопрос об отчетах ЦК и ЦКК, – признался Шенин. – Некоторые предлагают заслушать отчет Генерального секретаря и Политбюро...

– Все это не ново, – перебил его Горбачев. – С первого дня перестройки они не могут и не хотят понимать всех процессов, которые происходят в нашей стране и в мире. Их не мой отчет интересует, а моя отставка...

– Да, – честно кивнул Шенин, – среди выступлений были и подобные предложения. Но они не находят поддержку большинства.

– Ты это брось... я сам знаю, где и кого поддерживают. Им дай волю, и они снова закроют границы, начнут гонку вооружений, приостановят выпуск газет и журналов, а недовольных отправят куда-нибудь на Соловки, – нервно заявил Горбачев. – И в этих условиях я должен одной рукой сдерживать этих недоумков, а другой пытаться договориться с нашими «демократами», которые тоже хотят моей отставки.

Шенин молчал. Он знал, что в таких случаях нужно дать возможность Горбачеву выговориться. А тот, распаляясь все больше и больше, словно был на митинге, а не выступал перед единственным слушателем, продолжал:

– Мы начали большое и трудное дело. Попытались модернизировать нашу страну, изменить нашу партию, приспособиться к новым условиям. И натолкнулись на стену – взрыв национализма и решительное неприятие наших реформ консерваторами. Где бы мы были, если бы я их слушал! Они и Ельцина предлагали отправить куда-нибудь послом, и с остальными разобраться. А как меня критиковали за эти съезды, когда вся страна увидела, кто и чего стоит. И сейчас

снова за старое. Меня ведь уже избрали на съезде, что они еще хотят?

– Требуяют поставить на Пленуме вопрос о процессах, происходящих в нашей стране, – повторил Шенин, – и многие республиканские лидеры могут их поддержать. Особенно недовольны большинство российских областных секретарей, которые считают, что нельзя было разрешать выборы президента России. Некоторые откровенно боятся, что президентом станет Борис Николаевич. Как тогда объяснить людям, что его выход из партии был неверным, необдуманым и неправильным шагом, если его выберут президентом России? Да и прибалтийские республики настроены достаточно решительно. Они считают, что мы поддержали их недостаточно энергично, особенно во время событий в Вильнюсе.

– Ну, это уже демагогия, – развел руками Горбачев. – Они проиграли выборы, не смогли убедить людей последовать за ними, оказались на обочинах политических процессов в своих республиках. А теперь считают, что десантники и внутренние войска должны решать за них политические задачи? Этого никогда не будет. Мы не для того начинали перестройку и демократизацию страны, чтобы снова прибегать к силовым методам.

Шенин не решился спорить. Он мог бы напомнить, что к силовым методам уже прибегали и в Тбилиси, и в Баку, и в Риге, и в Вильнюсе. Что в Приднестровье уже созрел конфликт, а в Осетии людей убивали каждый день. Мог бы

вспомнить о противостоянии в Ошской долине и настоящей необъявленной войне в Нагорном Карабахе. Но он не стал ничего говорить, зная, что не найдет понимания у своего собеседника.

Парадокс и усмешка истории заключались в том, что ни при одном лидере Советского Союза не было столько крови, страданий и поражений, сколько при Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Этот невероятный вывод кажется тем более невероятным, что в сознание людей вошли «тиран» Сталин, «волюнтарист» Хрущев и «застойщик» Брежнев. При Брежневе людей отправляли в психиатрические больницы или выдворяли из страны, лишая их гражданства. Многие получали тюремные сроки, но погибших и казненных не было. Два переворота в Чехословакии и Польше были почти бескровными. Правда, при Брежневе началась афганская война, но за первые два года потери были всего в несколько сот человек, и серьезно считать их военными потерями нельзя. При Хрущеве были новороссийская трагедия и расстрел рабочих, вышедших на демонстрацию, а также жестокое подавление венгерских событий, где отличился тогдашний посол СССР в Венгрии Юрий Владимирович Андропов. Но Хрущев реабилитировал и отпустил из лагерей десятки тысяч людей, несправедливо осужденных и родственников репрессированных, вернул доброе имя тысячам другим.

И наконец, страшный «тиран» Сталин, каким его подавали все годы перестройки демократические журналы и га-

зеты. Что только о нем не узнали его бывшие сограждане! Он был маньяком, психопатом, садистом, болел немыслимыми болезнями, был виновен во всех грехах, случившихся на планете в течение тридцати лет. Некоторые дописались до того, что поставили Гитлера и Сталина на одну доску, а люди, выдававшие себя за серьезных ученых, даже начали уверять, что Сталин готов был напасть и Гитлер всего лишь начал превентивную войну. Глупость подобных заявлений очевидна: оправдать национал-социализм невозможно, как невозможно оправдать и преступления, происходившие при Сталине.

Обратимся к истории. Был голод начала тридцатых, больно ударивший по стране и вызвавший массовую гибель людей. Украинский президент Ющенко, в угоду политической конъюнктуре, требовал признать голодомор фактом геноцида украинского народа, как будто представители других народов не умирали от голода. Были репрессии конца тридцатых, когда истреблялись старые большевики, революционеры, военная и политическая элита. Наконец, были огромные потери в начале войны. Но парадокс истории состоит в том, что все эти неслыханные жертвы, которые никак не могут оправдать Сталина с человеческой и нравственной точки зрения, с политической и экономической точки вели к укреплению государства. Разорение крестьян и насильственная индустриализация выводили страну на новый этап развития. Отсутствие оппонентов, истребленных в конце трид-

цатых, позволило укрепить вертикаль власти, которая проявила завидную устойчивость в годы страшной войны. Были выдвинуты новые люди, которые сумели сотворить нечто невозможное. На пустых площадках, при отсутствии техники, подготовленных людей, материалов, оборудования они создавали заводы, выпуская столь нужную фронту продукцию. Героизм был не просто массовым явлением, он стал насущной необходимостью, без которой была бы невозможна такая победа. И наконец, после огромных потерь в начале были великие победы в конце войны.

Гибель каждого человека – трагедия, гибель миллионов – не статистика, это просто миллионы трагедий. Но как тогда назвать эпоху Горбачева, которую многие недалекие люди, по недомыслию или по глупости, называют временем, когда распалась большая страна без большой крови? Если только в Азербайджане был один миллион беженцев? В эту цифру с шестью нулями входят женщины, дети, старики. Никто не взялся за труд посчитать, сколько азербайджанцев и армян погибли в ходе двадцатитрехлетней войны, которой не видно конца, когда ожесточение достигло наивысшего предела и людей убивали только потому, что они принадлежали к другому этносу. Никто не посчитал погибших в Таджикистане, где гражданская война велась с наибольшим ожесточением. По самым осторожным данным, в республике погибло больше ста тысяч человек, и еще один миллион человек оказались беженцами. Хотя это всего лишь официальные

цифры. А в каждую таджикскую семью пришло большое горе, глава государства был повешен в центре столицы на памятнике Ленину, но об этом в мире предпочитали не вспоминать. Кто точно посчитает, сколько людей за эти годы погибло в двух чеченских войнах, в осетино-ингушском, грузино-осетинском и грузино-абхазском конфликтах? А ведь все истоки этих противостояний начались именно в бескровную эпоху Горбачева, когда «без большой крови» распадалась страна. Кто посчитал погибших в Приднестровье, убитых на Северном Кавказе, растерзанных и сожженных заживо в Ошской долине, где конфликты повторялись с пугающей регулярностью? Кто подсчитает страдания людей, оказавшихся в Прибалтике гражданами второго сорта, не получивших гражданства тех республик, где они проживали? Кто считал жертвы террористических актов, когда сотни погибших детей Беслана – тоже следствие процессов, начатых в «бескровную эпоху» перестройки?

Можно вспомнить, что после своего ухода Сталин оставил великую страну, одержавшую победы над всеми врагами, окруженную союзниками и сателлитами, которая уже при его жизни имела атомное оружие, а через четыре года после его смерти первой вышла в космос и еще через четыре года послала туда своего первого космонавта. После своего ухода Горбачев оставил разорванную и разоренную страну, не имеющую ни друзей, ни союзников, в которой миллионы людей стали беженцами, сотни тысяч погибли, а десят-

ки миллионов оказались иностранцами в чужих странах. В которой космические программы были свернуты, экономика оказалась отброшенной на десятки лет назад, а самая грозная в мире армия превратилась в позорные отряды плохо обученных людей, воевавших друг с другом. И чудовищные долги, которые Россия, принявшая на себя долги бывшего Союза, должна была выплачивать – по пятнадцать миллиардов долларов в год только в качестве процентов.

Возможно, усмешка истории как раз и заключается в том, что в Горбачеве обычный человек, со своими слабостями и недостатками, почти всегда побеждал великого политика, каким просто обязан быть лидер такой страны. И наоборот, в Сталине циничный, расчетливый и умный политик всегда побеждал человека, истребляя в его душе все живое. И когда отправлялись самые близкие друзья на плаху, и когда принимались чудовищные по своей жестокости решения, и когда случались трагедии в его семье. Напрашивается вопрос: что полезно для государства и общества? «Тишайший» Алексей Михайлович, при котором так долго и кроваво гуляли казаки Степана Разина, или деспот Петр Первый, лично рубивший головы стрельцам? Ничтожный Николай Второй, допустивший разгром своей страны в русско-японской войне, две революции, расстрел собственной семьи, или решившийся на долгожданные реформы его дед – Александр Второй? Возможно, ответ кроется всего лишь в одной фразе, сказанной мудрым Громыко перед самой смертью. Он старался не ком-

ментировать события, происходившие в стране уже после его ухода на пенсию. Но однажды, не выдержав, произнес в кругу семьи, наблюдая за очередными выступлениями депутатов, критикующих Горбачева: «Не по Сеньке шапка оказалась».

...Горбачев говорил еще несколько минут, и Шенин его терпеливо слушал. Выговорившись, хозяин кабинета замолчал на минуту, потом спросил:

– У тебя все?

– Насчет московской милиции, – встрепенулся Шенин. – Вы поручали разобраться. Они настаивают на своей кандидатуре, хотят, чтобы работал генерал Комиссаров. Но МВД Союза категорически против. Они утвердили кандидатуру Шилова, согласно вашему Указу.

– Нельзя отдавать Москву в их руки, – неуверенно произнес президент. – Нужно подумать. Они хотят устраивать митинги и демонстрации при поддержке московской милиции, мне Болдин уже докладывал. Нам вообще необходимо иметь больше грамотных юристов. Я говорил об этом Лукьянову.

– У нас в административном отделе новый сотрудник, – сразу вспомнил Шенин, – очень толковый и знающий специалист, работал в органах прокуратуры. Ему тридцать два года.

– Хорошо, – кивнул Горбачев, – пусть передадут его личное дело Болдину, он посмотрит. Я ведь тоже работал в органах прокуратуры, сразу после окончания университета,

правда, только пять дней. Меня прокурор так не хотел отпускать на работу в комсомол. А потом, через двадцать лет, когда я уже работал в обкоме партии, написал мне, что рад за мои успехи и за себя, что не помешал мне тогда перейти на работу в комсомол. — Он улыбнулся и добавил: — Оставь свою папку, я посмотрю.

Шенин не уходил, и Горбачев удивленно взглянул на него.
— Что еще?

— В Центральном комитете уже несколько дней сидит Степан Погосян, первый секретарь ЦК компартии Армении, — сообщил Шенин. — После того, как там снова начались вооруженные столкновения, он приехал в Москву, чтобы попасть к вам на прием.

Горбачев молчал.

— Он уже четвертый день просится к вам на прием, — настойчиво повторил Шенин.

— Что я могу еще сделать? — недовольно заговорил президент. — Мы дали указание Пуго и Крючкову навести там порядок. Муталибов и Тер-Петросян у меня уже были. Я заранее знаю все, что мне скажет Погосян.

— Он — член Политбюро, — напомнил Шенин, — вы же сами решили ввести в Политбюро всех руководителей компартий союзных республик.

— Они даже свое здание отстоять не сумели, — отмахнулся Горбачев, — ты же сам мне докладывал. Сейчас не время, пусть они немного успокоятся. Передай Погосяну, что я по-

стараюсь с ним встретиться недели через две или три, лично его вызову.

– Он требует срочной встречи.

– Хватит, – решительно оборвал собеседника Горбачев, – пусть он ничего не требует. Мы уже обсудили комплекс мер с Тер-Петросяном. Этого вполне достаточно...

Шенин молчал. У него не было других аргументов. Затем он оставил папку с документами, попрощался и ушел. Горбачев заставил себя открыть папку, и уже первые сообщения неприятно поразили его. А чем дальше он читал, тем мрачнее становился. Он уже пожалел, что так быстро отпустил Шенина. Судя по сообщениям с мест, положение было более чем серьезным. До апрельского Пленума оставалось совсем немного дней, и надо что-то сделать, что-то придумать до того, как они соберутся все вместе. Иначе... что будет иначе, он знал. Иначе все закончится его отставкой и полным разворотом в другую сторону. Это он сейчас отчетливо понимал.

Ремарка

«Краснодарские коммунисты, члены ЦК КПСС, намерены добиться включения в повестку дня текущего Пленума ЦК партии вопроса о созыве внеочередного съезда или хотя бы Всесоюзной конференции КПСС. Такой наказ они получили от участников краевого

партийного пленума. В принятом на нем постановлении коммунисты Кубани выразили крайнюю озабоченность тем, что страна продолжает катиться дальше вниз, а президент страны, несмотря на полученные им чрезвычайные полномочия, бессилен что-либо изменить. Поэтому, считают участники пленума, необходимо срочно заслушать отчет коммуниста М. С. Горбачева о его работе в должности Генерального секретаря. Предлагалось также заслушать его еще и как президента СССР, но большинством голосов это предложение не прошло».

Интерфакс

Ремарка

«В газете областного совета «Тюменские известия» опубликован отчет о встрече в Ишиме первого секретаря Тюменского обкома КПСС В. Чертищева с группой коммунистов – депутатов областного совета. «Я считаю, – подчеркнул первый секретарь обкома КПСС, – что Горбачев и Ельцин действуют воедино, ведут одну линию и, что важно понять, ведут ее по сценариям, написанным в ЦРУ». В последнее время Владимир Чертищев не скрывает своей принадлежности к оппозиции Генеральному секретарю ЦК КПСС, президенту СССР. Бюро Тюменского обкома партии настаивает на внеочередном Пленуме ЦК, отчете руководителей Политбюро. Прокуратура

Тюменской области обратила внимание на выступление партийного лидера. Прокурор области В. Багин заявил, что прокуратура намерена провести расследование по факту шельмования и клеветы на президента страны и лидера российского парламента».

«Постфактум»

Ремарка

«Средняя зарплата в СССР – 12 долларов. Если вы собираетесь за границу – по личным делам или погулять, – пользуйтесь услугами Госбанка, который отныне вам позволяет в Сбербанке СССР или в девяти других банках, получивших лицензию, обменивать рубли по 200 долларов по рыночному курсу. На 1 апреля курс доллара – 1 к 27,6 рубля. Напомним, что раньше «туристический» курс был равен 1 к 6. По этим правилам, в частности, средняя зарплата в стране – 280 рублей плюс 60 рублей компенсации – откровенно признана равной 12 долларам. Это меньше, чем зарабатывает нищий где-то в Папуа или Мозамбике».

Российское информационное агентство

Ремарка

«Как стало известно, подал в отставку первый

секретарь ЦК компартии Армении, член Политбюро ЦК КПСС Степан Погосян. За последний год уже третий лидер компартии Армении подает в отставку. Как предполагают в Ереване, одной из главных причин отставки стал тот факт, что в течение последних нескольких дней Степан Погосян не смог добиться приема у Генерального секретаря ЦК КПСС Михаила Сергеевича Горбачева».

«ИМА-Пресс»

Глава 4

Мурад Рагимович Керимов работал секретарем Союза писателей уже около двух лет. Он пришел сюда совсем молодым человеком, сразу из партийных органов. С тех пор его небольшой кабинет в этом красивом здании Баку стал местом его постоянной работы. Сегодня с утра он заказал разговор с Москвой и терпеливо ждал, когда его наконец соединят.

На вопрос телефонистки, кого именно позвать, он ответил – «кто подойдет». Но он знал, что обязательно подойдет Карина. Сегодня был понедельник, она обычно выходила на работу во второй половине дня, и по понедельникам он звонил ей в Москву, чтобы в очередной раз услышать ее голос. С тех пор как они снова встретились в Москве и вместе съездили в Прибалтику, прошло около двух месяцев. И каждый понедельник он звонил ей, согласно принятому у них своеобразному ритуалу.

Они вместе учились в школе и знали друг друга с самого детства. Им казалось, что так будет всегда, даже не предполагая, как все может измениться. На выпускном вечере он танцевал только с ней. Их называли самой красивой парой. А потом он не поступил на юридический, а она прошла на филологический. Его призвали в армию, где он был тяжело ранен. А когда вернулся, она уже вышла замуж за другого.

Только через много лет они узнают, что родители обоих были против этих встреч и возможного брака. Именно поэтому их письма друг к другу не доходили до адресатов. Каждая пара родителей считала, что помогает таким образом своему ребенку. Азербайджанская семья не хотела невестку-армянку, а армянская семья не хотела зятя-азербайджанца. К тому же начались все эти события в Нагорном Карабахе.

Она стала Кариной Геворкян, довольно известным журналистом. Мурад с удивлением узнал, что у нее уже восьмилетняя дочь, и с радостью услышал, что она разведена. И теперь он так нетерпеливо ждал, когда его соединят с ней, опасаясь даже назвать имя любимой женщины – ведь телефонистка могла догадаться, что он разговаривает с армянкой, проживающей в Москве. Его могли обвинить в чем угодно. В предательстве или даже в помощи врагам, хотя какую информацию он может передать другой стороне, будучи секретарем Союза писателей? Об изданных книгах или о количестве членов Союза? Или о новых публикациях в их журналах?

Подошла действительно Карина, и он пробормотал в трубку:

– Здравствуй, Карина.

– Здравствуй, Мурад. – Она ждала его звонка, хотя именно сегодня торопилась на важную встречу.

– Как дела?

– Работаю. Как у тебя?

– Тоже работаю.

Они говорили так, словно их могли подслушивать.

– Когда ты приедешь в Москву? – спросила Карина.

– Пока не знаю. Наверное, скоро. Постараюсь выбить себе командировку.

– Старайся, – сказала она достаточно спокойным голосом, чтобы не выдавать своего волнения. Но он понял, как Карина нервничает.

– Я приеду, – неожиданно вырвалось у него, – в эту субботу. Возьму билет и прилечу на один день, если ты не возражаешь.

– Не возражаю, – ответила Карина, – я же не могу приехать к тебе.

– Я приеду, – повторил он, – приеду в субботу утренним рейсом и сразу позвоню. Мне только нужно заказать гостиницу.

– Закажи, а я буду тебя ждать.

Они попрощались, и Мурад положил трубку. Эти разговоры становились все более и более тягостными. Оба понимали, насколько невозможна их встреча в Баку или Ереване, и вообще, насколько невозможна их будущая совместная жизнь. Но обоих неудержимо влекло друг к другу, словно после стольких лет разлуки они пытались наверстать упущенное.

Билетов в Москву, конечно, не было в свободной продаже, хотя в столицу летали четыре рейса. Пришлось звонить и заказывать билет. В руководстве местным отделением Аэро-

флота обычно оставляли билеты на каждый рейс. Это была бронь ЦК, Совета министров и Верховного Совета. Билеты стоили сорок рублей, при галопирующей инфляции и девальвации по рыночному курсу рубля к доллару на тот момент это составляло всего лишь... полтора доллара. Все понимали невозможность подобных цен, и разговоры о скором повышении тарифов шли уже давно.

На следующее утро Мурад послал водителя взять билет, а сам отправился к себе в Союз. На работу он старался не опаздывать, и это вызывало удивление у его коллег. В Союзе писателей привыкли появляться на работе к полудню, чтобы к двум или к трем часам дня уже завершить ее. При этом один из пожилых секретарей поучал Мурада, как именно нужно работать. Понедельник – тяжелый день после выходных, и не нужно ничего планировать. По пятницам все обычно уезжают на дачи и за город, тоже не очень удобный день. По четвергам в Баку обычно поминают умерших, и мы, как руководители Союза, должны ходить на эти мероприятия. Значит, у нас есть два рабочих дня – вторник и среда, когда можно планировать разные собрания или встречи.

Вспоминая об этом, Мурад всегда улыбался. Хотя он прекрасно знал, что еще более «сложная» обстановка в Москве, где в аппарате Союза сотрудники появлялись к полудню, чтобы уже через минуту оказаться в кафе или ресторане Центрального Дома литераторов, куда вел подземный переход, и просидеть там до окончания рабочего дня, если сроч-

но не позовут обратно. Любой посетитель или гость рано или поздно оказывался либо в ресторане, либо в кафе вместе с сотрудниками аппарата.

Последний месяц Мурад работал в основном с документами. Они готовились к съезду, который впервые должен был состояться после событий конца восьмидесятых и начала девяностых. Никто не знал, каким будет этот съезд, кого изберут, кто останется и вообще как пройдет этот форум писателей, которые всегда отличались своими независимыми суждениями и взглядами.

Он просматривал бумаги, когда позвонила секретарь. Мурад поднял трубку. К селектору он еще не привык. В девяносто первом ему было чуть больше тридцати. Шрам на подбородке, оставшийся после военных действий в Афганистане, постоянные головные боли из-за тяжелого ранения и ранняя седина, несмотря на молодые годы.

– Мурад Керимович, к вам посетитель, – приглушенно сообщила секретарь.

– Пусть войдет, – удивился Керимов. Обычно к нему входили без доклада.

– Говорит, что он – ваш родственник и хотел бы, чтобы вы вышли из кабинета, – продолжала шептать секретарша.

Он положил трубку и вышел из кабинета. В приемной действительно стоял родственник его матери. Кажется, он работает в каком-то научно-исследовательском институте Академии наук. Странно, зачем он пришел сюда?

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Мурад, – проходите ко мне в кабинет, пожалуйста.

– Нет, – возразил родственник, оглядываясь по сторонам, – я не один. Со мной приехал наш директор. Он внизу, в машине. Если ты разрешишь, он поднимется к тебе.

– Конечно, – растерялся Мурад. – Почему в машине? Какой директор? Почему он не поднялся вместе с вами?

– Это академик Джалал Алиев, брат Гейдара Алиева, – доверительно шепнул родственник.

– Не понимаю, почему он не поднялся вместе с вами, – повторил Мурад. – Пусть заходит.

– Сейчас мы поднимемся, – обрадовался родственник, – только ты не обижайся, я вместе с ним не зайду. Он хочет поговорить с тобой наедине.

– Пожалуйста. – Мурад удивлялся все больше и больше.

Через несколько минут в его кабинет вошел высокий мужчина с характерным и узнаваемым лицом. Это был академик Джалал Алиев, брат бывшего руководителя республики Гейдара Алиева. Они пожали друг другу руки, и гость уселся к приставному столику. Мурад, из уважения к возрасту бывшего, сел напротив.

– Прежде всего я хочу поблагодарить вас от имени всей нашей семьи, – начал Джалал Алиев.

– За что? – изумился Мурад.

– За ваше мужество, – ответил академик. – Вы недавно выступали в академии и защищали моего брата. Спасибо вам

за это. Сейчас все выступающие говорят такие неприятные вещи о нем, и все это бессовестная клевета и ложь.

Мурад вспомнил, как это было. Группа активистов Народного фронта начала дискуссию о бывших партийных работниках, считая, что почти все они являются потенциальными коллаборационистами. Попытки возражений подавлялись криками и свистом, почти никому не давали говорить. Один из активистов особенно настаивал на осуждении всех бывших партократов, в том числе и Гейдара Алиева. Это возмутило Мурада, и он попросил слова.

– Человек уже несколько лет не работает, и не забывайте, это был единственный азербайджанец, который за столько лет стал членом Политбюро, входил в руководство страны, столько сделал для республики. Почему вы сейчас позволяете себе подобные высказывания? Это ведь просто нечестно – нападать на человека, который уже не во власти...

Ему не дали договорить. Раздался свист, крики, шум. Несколько человек даже поднялись, чтобы силой сместить его с трибуны, но он продолжал говорить. Когда кто-то прорвался к нему, Мурад даже отпихнул этого активиста. И договорил все, что хотел сказать. Несколько человек ему аплодировали, другие боязливо оглядывались по сторонам. Активисты кричали и свистели. Уже выходя из зала, Мурад столкнулся с мужчиной среднего роста, и тот, протягивая ему руку, сказал:

– Я онколог Джамиль Алиев, тоже родственник Алиевых.

Позвольте пожать вам руку, вы сегодня выступали, как настоящий мужчина.

И вот сейчас к нему приехал сам брат бывшего лидера. Странно, что он забыл об этом выступлении. В конце концов, ничего особенного не сделал, просто сказал правду.

– Я хочу вас еще раз поблагодарить и передать вам кассету с интервью моего брата журналистам, – подчеркнул Джалал Алиев.

– Спасибо, я ее обязательно посмотрю.

– И покажите вашим коллегам, – попросил академик на прощание.

Уже после его ухода позвонил родственник.

– Спасибо, что принял нашего директора. Есть еще одна просьба, но если только ты сможешь. Я понимаю, что это очень сложно...

– Какая?

– Можно организовать приглашение Гейдара Алиева на ваш съезд? Это было бы здорово. Он сейчас не занимает никаких должностей, а ты сам знаешь, как на него нападают в Верховном Совете. Приглашение его сильно поддержало бы.

– Я подумаю, – ответил Мурад.

Кадры с заседаний Верховного Совета показывали каждый день. Было омерзительно наблюдать, как издеваются над пожилым человеком те, кто еще вчера так пресмыкался перед ним, пытаясь хотя бы поймать его благожелательный взгляд. Было стыдно и гадко наблюдать за этими репортажа-

ми.

Мурад прошел в кабинет председателя. Там уже сидело несколько человек. Он подошел к столу и тихо сообщил председателю, что нужно послать приглашение Гейдару Алиеву. Председатель удивился. Было видно, что предложение застало его врасплох и грозило крупными неприятностями. Нынешнее руководство республики явно не одобрит подобного шага.

– А он придет? – растерянно спросил председатель.

– Придет, – ответил Мурад.

– О ком вы говорите? – вмешалась сидевшая в кабинете журналистка Эльмира Ахундова. Она начинала работать в Союзе, будучи еще совсем молодой. Трудолюбивая и грамотная, Эльмира постепенно становилась ведущей журналисткой в республике. В прошлом году, когда освободилось место специального корреспондента «Литературной газеты», она сама пришла в Союз и попросила назначить ее на это место. Нужно отдать ей должное, ее статьи начали регулярно появляться на страницах всесоюзных газет.

– Гейдар Алиев хочет прийти на наш съезд, – пояснил председатель. – Конечно, надо его пригласить...

– Дайте мне приглашение, – предложила Эльмира, – я сама его передам.

От Мурада не укрылось выражение лиц сидевших за столом. Некоторые из руководителей Союза были явно недовольны подобным приглашением. Но выступать при всех

против председателя, решившего пригласить бывшего руководителя республики, они не хотели. Поэтому промолчали, глядя, как Эльмира забирает пригласительный билет.

На следующий день она позвонила и сообщила, что Алиев получил приглашение, но позвонил и попросил уточнить: это форма вежливости или его действительно ждут?

– Передайте, что действительно ждут, – попросил председатель.

Съезд открылся в филармонии. Такого съезда не было в истории Союза писателей. По решению секретариата Союза в президиуме находились только руководители Союза и народные писатели. Все остальные, включая лидеров оппозиции и секретарей ЦК Компартии, должны были сидеть в зале. Это была необычная революция для Советского Союза. В филармонии появился Гейдар Алиев, которого встретили дружными аплодисментами. Когда он прошел и сел в общем зале, поднялся писатель Мамед Аслан и предложил пригласить гостя в президиум. Это было уже двойным вызовом правящей власти и оппозиции. Председатель растерялся, не зная, как быть, но положение спас сам Гейдар Алиев.

– Много лет своей жизни, – сказал он, вставая с кресла, – я смотрел сверху вниз из разных президиумов. Может, настала пора теперь смотреть снизу вверх. Разрешите, я останусь на своем месте.

Зал снова зааплодировал, Мурад в очередной раз поднялся мудрости опытного политика, понявшего, что не сто-

ит подставлять писателей, и без того рискнувших пригласить его на свой форум вопреки советам многочисленных «доброжелателей».

В Баку было беспокойно. Все началось еще весной восьмьдесят восьмого года, когда карабахские события отразились в столице Азербайджана. Сначала начались митинги в Нагорном Карабахе, затем стычки между азербайджанцами и армянами. Армянское большинство автономной области потребовало выхода из состава Азербайджана и вхождения в состав соседней Армении. Обе республики обратились в Центр. Но президиум Верховного Совета СССР, рассмотрев эти обращения, решил, что передел территорий республик может привести к настоящему взрыву внутри многонационального государства, и потребовал восстановления статус-кво. Возможно, если бы это решение было выполнено и конфликт погашен в самом начале, не начались бы подобные конфликты в Советском Союзе, не распались бы Югославия и Чехословакия. Даже румынская революция восьмьдесят девятого началась с возмущения венгерского меньшинства в Трансильвании. В Баку любили рассказывать явно придуманную легенду о том, что Чаушеску сказал перед смертью: «Проклятый Карабах, все началось с него». Даже если он не сказал подобной фразы, все, разумеется, понимали, что этот конфликт стал фитилем к национальному взрыву в многонациональной стране.

Армянское население требовало исполнять принятую

норму «о праве наций на самоопределение». Азербайджанская сторона требовала соблюдать принцип «территориальной целостности государства и не менять территорию республики без ее согласия». Тупиковая сложилась ситуация. Вооруженные столкновения начались почти сразу и продолжались до девяносто третьего года, пока наконец не было заключено перемирие. Однако еще в течение нескольких десятков лет стороны так и не могли договориться по этому вопросу.

В восемьдесят девятом в Нагорном Карабахе ввели особую форму правления, куда прислали из Москвы видного партийного функционера Аркадия Вольского, создав Комитет особого управления НКАО. Комитет явно не выполнял своих функций, так как, вместо решения вопросов, занимался попытками примирить обе стороны, что было невозможно. Почти ежедневные сводки об убитых и раненых ложились на стол Вольскому. В этих условиях в Армении к власти пришла оппозиция, отстранившая коммунистов от власти. В Азербайджане все закончилось гораздо более трагично. Оппозиция пыталась взять власть в свои руки, создавая вооруженные отряды и пользуясь достаточно большой популярностью. Однако в январе девяностого в Баку произошли явно спровоцированные армянские погромы, в которых погибли люди. Сразу после этого оппозиция потребовала отставки руководства республики. Положение осложнялось почти полным бездействием партийных и правоохрани-

тельных органов. Именно тогда Центр решил, что пора вмешаться, хотя сами погромы были остановлены силами жителей города. Введенные в столицу войска начали воинскую операцию в центре двухмиллионного города. Танки давили случайных прохожих, солдаты стреляли во всех, кто осмелится появиться ночью на улицах, даже по балконам многоэтажных домов. Среди многочисленных жертв были представители разных национальностей – азербайджанцы, русские, татары, лезгины, евреи.

В январе руководство в Азербайджане сменилось. Первым секретарем стал Аяз Муталибов, избранный на альтернативной основе на Пленуме ЦК Компартии. Его оппонент, бывший секретарь ЦК Гасан Гасанов, получил должность председателя Совета министров. Однако потрясенный город и республика еще долго не могли оправиться от шока, вызванного январской трагедией девяностого года.

К концу года Муталибов стал президентом, а комитет Вольского был наконец упразднен. Казалось, что теперь можно наводить относительный порядок, однако вооруженные столкновения вспыхнули с новой силой. Снова начала действовать оппозиция, продолжавшая критиковать любые шаги официальных властей. На фоне кровавых столкновений в Нагорном Карабахе и по всей границе между двумя республиками, общей политической нестабильности в Азербайджане возник еще один мощный источник раздражения – в Баку вернулся бывший лидер республики Гейдар Алиев.

Официальная биография Алиева не может в полной мере раскрыть удивительные метаморфозы, происшедшие в его судьбе. Выросший в простой рабочей семье, он отправился учиться в Баку еще совсем мальчишкой. И еще совсем молодым человеком был принят в органы НКВД, сначала на рядовую техническую должность, а затем уже получил и звание.

Первую половину жизни Алиев провел в Комитете государственной безопасности. О некоторых тайных операциях еще много лет не разрешали вспоминать. Он делал успешную карьеру, получая внеочередные звания и должности. Уже к сорока пяти годам он был председателем КГБ, получившим звание генерала. Здесь интересно отметить, что в Азербайджане он стал первым руководителем КГБ, выдвинутым из представителей местного населения. Подобную должность просто не доверяли никому из местных, если не считать бывшего руководителя республики Мир-Джафара Багирова, который был личным другом Берии и Сталина.

В сорок шесть лет Гейдар Алиев становится первым секретарем ЦК Компартии республики. Нужно отдать ему должное. Он молод, энергичен, хорошо знает местные условия, окружающих его людей. В семидесятые годы в Баку возводятся крупные объекты, строятся новые промышленные предприятия. Республика развивается ударными темпами, и это невозможно не заметить в Москве. Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Брежнев, уже будучи тяжело боль-

ным человеком, в очередной раз прибывает в Азербайджан за два месяца до своей кончины. Он убежден, что Алиев перерос свое место в республике и его нужно забирать в Москву. Но он не успеет осуществить задуманное, хотя все документы будут подготовлены. И сразу после смерти Брежнева новый Генеральный секретарь Юрий Андропов сделает Гейдара Алиева членом Политбюро и первым заместителем председателя Совета министров СССР.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.